

О СТРАТЕГИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РАН В СФЕРЕ НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2020 г. Г. А. Заикина (составитель)

Журнал “Вестник Российской академии наук”, Москва, Россия

E-mail: galzaikina@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.01.2020 г.

После доработки 20.02.2020 г.

Принята к публикации 20.02.2020 г.

На заседании президиума РАН 24 декабря 2019 г. рассматривался вопрос о стратегии международного сотрудничества Академии наук. С основным докладом выступил вице-президент РАН академик Ю.Ю. Балега. Стратегия международного сотрудничества Российской академии наук в сфере научной и научно-технической деятельности разработана в соответствии с поручением президиума РАН. Она определяет цели, задачи, приоритеты, основные инструменты и ресурсы обеспечения международного сотрудничества Академии наук, а также ключевые меры, направленные на решение поставленных задач.

Ключевые слова: стратегия международного сотрудничества в сфере научной и научно-технической деятельности, Российская академия наук, научная дипломатия, представительства РАН за рубежом, международная академическая мобильность, межакадемический обмен.

DOI: 10.31857/S0869587320050114

Россия всегда позиционировалась и позиционируется как научная держава, внёсшая исключительный вклад в развитие мировой науки. Политические преобразования конца XX в. спровоцировали появление системных проблем в осуществлении Российской академией наук своей исторической функции и роли в формировании нового облика современной отечественной науки и государственности в целом, заявил **Ю.Ю. Балега**.

В первой половине прошлого века Академия наук как высшее научное учреждение СССР играла весомую роль в налаживании двусторонних и многосторонних международных связей, отчасти компенсируя барьеры политического диалога того времени. В последней четверти века академия сотрудничала уже с более чем ста государствами мира. В Комитете по научно-техническому сотрудничеству Совета экономической взаимопомощи она зачастую выполняла функции головной организации в использовании новых форм научного взаимодействия. Нарастало участие АН СССР в международных организациях — ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, МАГАТЭ, ЮНИДОН, МОРТ, МСНС и других, в которых наши учёные нередко занимали руководящие посты. Велика роль отечественных учёных и Академии наук в

сохранении баланса сил в ядерном разоружении во второй половине XX столетия.

Сегодня РАН является полноправным членом 42 международных неправительственных организаций. Подписано около двухсот международных соглашений, с российскими учёными сотрудничают около пятисот иностранных членов РАН из 55 стран.

Современный этап развития научной сферы характеризуется формированием новой научной инфраструктуры и требует разработки соответствующих инструментов международного сотрудничества. Речь идёт о:

- разрыве связей с зарубежными научными организациями вследствие реформы 2013 г.;
- необходимости модернизации научной инфраструктуры, создании новых крупномасштабных объектов для проведения научных исследований на территории нашей страны;
- изменении механизма финансирования отечественной науки;
- отсутствии механизмов прямого финансирования участия Российской Федерации в крупномасштабных международных проектах;
- кадровом голоде, обусловленном утратой РАН руководящей роли в обеспечении преем-

ственности научных исследований и подготовке специалистов;

- недостатке институциональных основ, закрепляющих значение научной дипломатии как современного инструмента компенсации пробелов в политическом диалоге;

- неопределённости статуса Академии наук в осуществлении международного научно-технического сотрудничества и отсутствии правовых механизмов реализации функций, которые предусмотрены 353-ФЗ “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

Стратегия международного сотрудничества Российской академии наук в сфере научной и научно-технической деятельности разработана в соответствии с поручением Президиума РАН. Она определяет цели, задачи, приоритеты, основные инструменты и ресурсы обеспечения международного сотрудничества Академии наук, а также ключевые меры, направленные на решение поставленных задач.

Целью Стратегии является создание единого централизованного механизма эффективного международного сотрудничества РАН, обеспечивающего главенствующую роль Российской академии наук в этой области как на этапе стратегического планирования, так и при осуществлении взаимодействия с зарубежными научными организациями и учёными.

Среди *задач Стратегии* Ю.Ю. Балега выделил следующие.

1. Обеспечение полноправного участия Академии наук в планировании деятельности в рамках международного научно-технического сотрудничества (МНТС).

2. Закрепление за РАН функции определения точек роста и ключевых направлений МНТС, способствующих реализации положений Стратегии научно-технологического развития страны.

3. Гарантирование полноценной реализации и исключительного права РАН на выполнение функций научной дипломатии.

4. Разработка механизмов и новых форм участия российских учёных в международных научных исследованиях как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

5. Создание благоприятной среды для наделения РАН полномочиями для участия от имени Российской Федерации в формировании глобальной научно-технологической повестки.

6. Создание условий для вхождения российской науки в число лидеров на международной арене, а также для успешного осуществления национальных проектов.

Инструментами при решении этих задач должны стать: центры международного научного и научно-технического сотрудничества РАН, где будут генерироваться идеи и вырабатываться предложения по решению глобальных проблем; представительства Российской академии наук за рубежом; программы международной академической мобильности, то есть создание условий для межстранового перетока научных кадров; механизмы межакадемических обменов. Новой формой могут стать проблемно ориентированные центры научного сотрудничества, формируемые для решения конкретных научных проблем. Например, в Сибирском отделении РАН создаётся центр сотрудничества с Китаем по целому ряду важных направлений.

Ю.Ю. Балега отметил, что огромная работа предстоит *в нормативно-правовой области*. Нужно подготовить положение о представительствах РАН за рубежом; порядок реализации программ мобильности и обмена учёными; нормативную базу для функционирования центров МНТС и проблемно ориентированных центров.

Что касается *организационных аспектов*, то необходимо разработать план развития научной дипломатии, осуществлять мониторинг тенденций в мировой науке, формулировать предложения для Правительства РФ по важнейшим международным проектам, определять темы крупномасштабных научных проектов мирового уровня и отслеживать их реализацию. Очевидно, что вся эта работа должна выполняться в тесном сотрудничестве с Министерством науки и высшего образования РФ, на неё может потребоваться до двух лет.

Помимо прочего, необходимо выделить *приоритетные направления* Стратегии. К настоящему времени определены три приоритета.

На восточном направлении это, конечно, Китай, с которым уже подписано соглашение по семи направлениям исследований. В Европе, по мнению Ю.Ю. Балеги, приоритетом остаётся Франция, поскольку связи с Французской академией наук развиваются длительное время, с ней у РАН традиционно складываются хорошие отношения, которые нужно закреплять. Особое внимание следует уделять развитию связей со странами СНГ, что сейчас особенно актуально, считает Ю.Ю. Балега. В целом, заключил он, Стратегия призвана возродить академические традиции и вернуть главенствующую роль Российской академии наук в международном научном и научно-техническом сотрудничестве, повысить статус академии как системного института на внутренней и международной арене.

Докладчику был задан ряд вопросов. В частности, академик Г.Г. Матишов поинтересовался, предполагается ли налаживание международных

связей на южном направлении, а также по научному сотрудничеству в Арктике. На что Ю.Ю. Балегга справедливо заметил, что Стратегия представляет собой совокупность принципиальных положений и норм, общую схему. Безусловно, РАН по мере сил и возможностей стремится взаимодействовать со всем миром, более чем со ста государствами. Перечислять их в Стратегии бессмысленно. Наши ближайшие соседи – Азербайджан, Армения, Иран – всегда будут оставаться в поле зрения Российской академии наук. Но есть приоритеты, продиктованные нынешней международной обстановкой.

Академик **Р.И. Нигматулин** задал вопрос, о каких зарубежных представительствах Российской академии наук идёт речь. Ю.Ю. Балегга сообщил, что представительства предполагается открывать в тех странах, с которыми у РАН сложились особенно крепкие связи, ведутся совместные исследования по многим направлениям, например, во Франции и Китае. Пока речь идёт о небольших образованиях – один-два человека, которые контролируют и отслеживают ситуацию, обеспечивают приём наших специалистов, проведение мероприятий на территории зарубежных государств. По-видимому, и в России появятся представительства этих государств.

Вопрос академика **С.М. Алдошина** касался межакадемического обмена, финансирование которого в последние годы практически прекратилось. Есть ли сейчас договорённость с Правительством РФ о том, чтобы возобновить выделение средств на это важное направление деятельности Академии наук? Как разъяснил Ю.Ю. Балегга, такой договорённости нет, но есть предварительное согласие действовать по следующей схеме. Деньгами на эти нужды располагает Минобрнауки России. Предполагается создать совместный орган – комиссию или рабочую группу, которая будет определять приоритетные направления межакадемического обмена, готовить предложения относительно плана поездок на следующий год. Минобрнауки будет их финансировать, а Академия наук согласовывать.

Обсуждение проекта Стратегии международного сотрудничества РАН в сфере научно-технической деятельности продолжил первый заместитель министра науки и высшего образования РФ **Г.В. Трубников**. По его словам, Министерство отвечает за международное научно-техническое сотрудничество, поскольку является регулятором в области научно-технической и инновационной политики. В структуре министерства есть соответствующий департамент.

В 2019 г. Правительством страны был одобрен документ, который называется “Концепция международного научно-технического сотрудничества”. В его разработке РАН играла активную

роль. Этот документ фиксирует рамочные условия реализации МНТС, формулирует интересы Российской Федерации в этой области, её цели, задачи, приоритеты и принципы. В Концепции международное сотрудничество рассматривается как средство интеграции российской науки в мировое научное пространство с учётом собственных национальных интересов.

В документе подчёркивается, что в условиях роста международной напряжённости, политических и экономических ограничений в отношении Российской Федерации МНТС, включая научную дипломатию как средство восстановления взаимопонимания, доверия и масштабного диалога с зарубежными партнёрами, приобретает особое значение. В 2018–2019 гг. утверждены две дорожные карты сроком на 10 лет с нашими стратегическими партнёрами – Францией и Германией. Финальной стадии достигла подготовка дорожной карты сотрудничества в области науки, технологии и инноваций с Китайской Народной Республикой.

Что касается приоритетов, в Концепции сказано о необходимости создания в Российской Федерации условий для привлечения к сотрудничеству лучших мировых умов, включая инновационных предпринимателей. В качестве успешного примера Г.В. Трубников привёл программу мегагрантов, на конкурс в 2019 г. было подано 10 заявок на одно место. За время реализации программы в России создано около 300 новых лабораторий, получено 3 тыс. заявок от учёных, большинство из которых – наши соотечественники, уехавшие за рубеж в 1980-е, 1990-е, 2000-е годы. Многие из них готовы вернуться и уже возвращаются, создают лаборатории на базе наших научных организаций и университетов.

Ещё один приоритет – локализация международной исследовательской инфраструктуры на территории страны. Речь идёт о мегасайнс-проектах, таких как “ПИК” в Гатчине, “NISA” в Дубне, “СКИФ” в Новосибирске, проект сверхмощного лазера в Нижнем Новгороде и др. По мнению Г.В. Трубникова, здесь важную роль могла бы сыграть Академия наук, имея в виду содействие созданию на территории России международных межправительственных организаций, заключение соглашений с международными центрами о сотрудничестве и взаимодействии. Что касается Минобрнауки России, то в 2019 г. оно провело 20 многосторонних международных встреч. Представители министерства работают в 30 странах в качестве атташе по науке и технике в посольствах.

Комментируя Концепцию, Г.В. Трубников высказал сомнение относительно формулировки о главенствующей роли РАН в международном научном сотрудничестве. Он считает, что главная

роль принадлежит МИДу, за которым следуют ключевые исполнители, в том числе Академия наук. Опять-таки вряд ли правомерно говорить об исключительном праве РАН на осуществление научной дипломатии, потому что это в первую очередь прерогатива МИДа, а также функция Минобрнауки и “Россотрудничества”, посольств и представительств. Академии следовало бы взять на себя функции по выбору тематик и приоритетов, новых проектов, организации своих представительств, активно реализовывать меры научной дипломатии.

На это академик **А.М. Сергеев** возразил: очень часто от наших иностранных коллег приходится слышать, что министерство, даже активно работающее, всё-таки государственная структура, в то время как Академия наук воспринимается за рубежом как общественная организация, несмотря на её государственный статус. Во многих случаях общественные объединения предпочитают действовать через Академию наук. Если нашим коллегам по каким-то причинам более комфортно заключать соглашения с Академией наук, пусть так и будет. В любом случае это вклад в копилку страны. В то же время, считает А.М. Сергеев, надо выверить формулировки Стратегии, чтобы они не воспринимались как посягательство на миссию других министерств и ведомств. Наша общая задача — использовать сильные стороны каждой из структур.

Что касается приоритетов, то, не умаляя значения других направлений сотрудничества, нужно понимать, что без правильно выстроенного взаимодействия с Китаем нам не удастся сохранять лидирующие позиции, но это взаимодействие надо выстраивать по-умному. Несмотря на то, что Китай стартовал позднее, что там нет традиционных научных школ, он вкладывает беспрецедентно большие средства в науку. А принятая стратегия развития науки до 2035 г., в соответствии с которой КНР должна стать ведущей по ключевым научным направлениям мировой державой, неукоснительно выполняется. Китайская академия наук аккумулирует 105 научных институтов и 3 университета. Это огромная мощь. Вложение в одно рабочее место, включая зарплату, инфраструктуру и оборудование, примерно в 8–10 раз больше, чем у нас. Надо активно налаживать научные связи с Китаем, пока мы ему с научной точки зрения интересны, ведь ситуация быстро меняется.

А.М. Сергеев высказался также за продолжение взаимодействия в научной области с Соединёнными Штатами Америки. Американская наука по-прежнему лидирует в мире. И тот факт, что геополитическая ситуация чрезвычайно усложнила отношения, побуждает сделать упор на Российскую академию наук как важный канал под-

держания и налаживания связей. Национальная академия наук США склонна сотрудничать с Российской академией наук, подписано двустороннее соглашение, и нужно использовать предоставляемые этим возможности.

К проблемам и перспективам, связанным с взаимодействием со странами Африканского континента, привлекла внимание член-корреспондент РАН **И.О. Абрамова**. Она подчеркнула, что наше международное сотрудничество должно обеспечить достижение двух целей. Первая — дать то, что нужно российской науке, вторая — продвинуть нашу науку, российские технологии и продукцию в другие страны. Всё это нам может дать Африка. Между тем в советский период в Африке функционировали 43 наших научных центра, а сейчас там работают всего две экспедиции — в Эфиопии и в Уганде.

В настоящее время по многим направлениям современной науки Африка занимает достойные позиции. Программа цифровизации Африки была принята раньше, чем в России, — в 2009 г., и она даёт реальные результаты. Причём речь идёт не только о ЮАР или Египте, но и о странах Восточной Африки, которые по цифровым технологиям опередили Россию. Некоторые из этих цифровых технологий закупают американцы, которые давно и прочно обосновались в Африке и развивают научные связи с этим континентом.

В 2013 г. в Африке принята стратегия инновационного научного развития, на неё выделены значительные средства как на уровне Африканского Союза, так и на уровне региональных организаций и конкретных стран. Многие из них по темпам экономического роста и по доли средств, расходуемых из ВВП на науку, в разы превышают показатели Российской Федерации.

Среди приоритетных для Африки научных направлений, по которым мы могли бы сотрудничать, И.О. Абрамова назвала прежде всего обеспечение продовольственной безопасности. Здесь крайне востребованными могут оказаться новые российские сельскохозяйственные технологии. А имея в виду, что Африка — родина многих культурных растений, например, пшеницы, кооперация может стать полезной и для нас — с точки зрения пополнения растительных коллекций и банков семян.

Второе перспективное направление — медицина, в первую очередь такие её области, как эпидемиология и вирусология, производство вакцин. Сейчас ВОЗ перекрывает возможности регистрации российских вакцин, например, против лихорадки Эбола, но африканцы готовы её покупать.

Среди других многообещающих направлений сотрудничества с африканскими странами И.О. Абрамова назвала энергетику, информационно-коммуникационные технологии, измене-

ние климата и биоразнообразия, освоение ресурсов мирового океана и минеральных ресурсов (Африка располагает 30% их стратегических мировых запасов). Есть возможности сотрудничества и в области космических технологий. В своё время в некоторых странах Африки располагались советские центры отслеживания спутников. Сейчас они закрыты, и это не идёт на пользу нашей космической отрасли. Наконец, всё, что касается гуманитарной сферы, представляет собой широкое поле для взаимовыгодного сотрудничества. Причём не только в таких традиционных областях, как археология, но и в социальных технологиях управления обществом, которыми активно занимаются американцы. Именно в Африке отрабатываются сценарии “цветных революций”, вовлечения детей в социальные протесты и т.д.

Принципиально важно, считает И.О. Абрамова, что в Африке востребованы наши технологии. У нас есть национальный проект по развитию несырьевого экспорта. Но в условиях санкций нам будет сложно выходить на рынки развитых стран. У африканцев же есть потребность в российских технологиях и образовании. Поэтому, чтобы успешно решать свои национальные задачи, нам важно не упускать из виду этот континент.

Говоря о российско-американском научном сотрудничестве, член-корреспондент РАН **Ф.Г. Войтоловский** привлек внимание к проблемам международной безопасности, общественно-гуманитарных наук и междисциплинарного взаимодействия. По его мнению, американская сторона демонстрирует серьёзную заинтересованность в развитии контактов по широкому кругу этих вопросов, включая международный терроризм, контроль над вооружениями и обеспечение стратегической стабильности, нераспространение ядерного оружия.

3–5 декабря 2019 г. в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова при поддержке МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся совместный симпозиум РАН и Национальной академии наук США, посвящённый проблемам радиологической безопасности и возможным последствиям использования расщепляющихся материалов международными террористическими организациями. Эта инициатива была одобрена министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым, который порекомендовал уделить особое внимание вопросам контроля над вооружениями, прежде всего стратегическими наступательными, а также нераспространения ядерного оружия.

Развитие ситуации с договором о нераспространении ядерного оружия должно оставаться в фокусе взаимодействия двух академий. **Ф.Г. Войтоловский** напомнил, что в 2020 г. будет прохо-

дить обзорная конференция по договору о нераспространении ядерного оружия. А на 2021 г. намечено проведение конференции по физической защите ядерных материалов, и здесь усилия России и США приобретают особое значение.

Имея в виду сказанное, **Ф.Г. Войтоловский** предложил несколько скорректировать обсуждаемый проект Стратегии в той её части, которая касается сотрудничества с отдельными странами и группами стран. В частности, по его мнению, нужно отдельно сказать о взаимодействии с Соединёнными Штатами, отдельно – с Канадой, отдельно со странами Латинской Америки, в особенности теми, где есть сильные научные школы. Далее, справедливо отмечая роль Китая, которую он начинает играть в мировой науке, необходимо расширять взаимодействие с Индией. Эта страна тоже укрепляет свои позиции в области как естественных и технических наук, так и общественных и гуманитарных, и здесь целесообразно развитие диалога.

Напомнив, что на научной сессии Общего собрания РАН в ноябре 2019 г. академик С.М. Рогов выступил с предложением стать инициаторами запуска Пагуошского движения 2.0, А.М. Сергеев поинтересовался мнением **Ф.Г. Войтоловского** относительно этой инициативы. Директор ИМЭМО РАН поддержал точку зрения С.М. Рогова: Пагуошское движение действительно несколько ослабело, ему нужно придать новый импульс. Российское отделение Пагуошского комитета, который возглавляет академик А.А. Дынкин, всячески этому содействует. Помимо того, следовало бы возродить деятельность совместной российско-американской комиссии по снижению угрозы ядерной войны, которая активно работала на протяжении 40 лет, но сейчас пришла в упадок.

Выступивший затем академик **Л.М. Зелёный** одобрил предложенную Стратегию развития международного сотрудничества РАН, но считает нужным дополнить её разделом о работе с иностранными членами РАН. Такую работу он рассматривает в качестве мощного инструмента научной дипломатии.

Далее академик обратился к новой форме сотрудничества в рамках созданного на базе гостиницы “Узкое” Международного научно-технического центра передовых исследований РАН. Работа проходит в небольших международных группах в составе 8–10 человек методом мозгового штурма, анализируются самые актуальные научные проблемы. Естественно, исследования как таковые в “Узком” не ведутся. Люди работают в своих институтах и лабораториях, проводят эксперименты, наблюдения. В “Узком” же они собираются, чтобы путём мозгового штурма обсудить полученные результаты. Благодаря этому пишут-

ся и публикуются важные статьи. Опыт показывает, что это очень эффективная форма международной кооперации. В таком режиме работают центры в Стокгольме, Санта Барбаре, Берне, и, как показывает опыт, результаты финансовых вложений в публикационную активность, влияние на научную молодёжь оказываются очень значительными.

У нас были проведены несколько пилотных семинаров, посвящённых пяти различным областям. Сейчас по их результатам готовятся отчёты и публикации, первый опыт, считает Л.М. Зелёный, оказался полезным. Планируется создание таких центров в регионах – в Новосибирске, Владивостоке. В 2020 г. финансовые возможности позволят вести такую работу в 15–20 группах. Но нужна эффективная система отбора. Пилотные проекты отбирали с точки зрения наличия у участников опыта работы в форме мозговых штурмов. Теперь речь должна идти о создании системы отбора тем.

Среди критериев Л.М. Зелёный назвал проывной характер предлагаемого к обсуждению проекта, направленного на решение актуальной задачи. Важно, как это повлияет на “добавленную стоимость” российской науки. Например, те, кто занимается космосом, но не имеет доступа к космическим экспериментам, на таких встречах получают в своё распоряжение новые, самые современные данные с зарубежных аппаратов. Их можно использовать, интерпретировать, обрабатывать, моделировать. Вот что даёт система международных центров передовых исследований.

Встречи, организуемые в “Узком”, укладываются в рамки финансовых возможностей президиума РАН. Зарубежные участники приглашаются в качестве гостей академии, им оплачивается пребывание в гостинице, но не дорога. К сожалению, пока не решён вопрос оплаты проживания иногородних российских участников таких встреч. Если эта новая для нас форма работы окажется эффективной, надо будет распространить её на другие регионы, расширить круг обсуждаемых тем, заключил Л.М. Зелёный.

Обсуждение Стратегии международного сотрудничества в сфере научной и научно-технической деятельности продолжила исполнительный директор Аналитического центра международных научно-технологических и образовательных программ **И.Р. Куклина**.

Она отметила значение этого документа прежде всего с точки зрения фактически отсутствующих сейчас программ мобильности и далее сосредоточила внимание на тех пунктах Стратегии, которые требуют, на её взгляд, корректировки или пересмотра.

Во-первых, не прослеживается связь между Стратегией и Концепцией международного науч-

но-технического сотрудничества Российской Федерации, что очень важно с правовой точки зрения.

Во-вторых, ряд пунктов второго раздела противоречит тому, что прописано в Стратегии НТР и уже реализуется в нацпроекте “Наука”.

Следующий важный момент – работа со статистическими данными. С одной стороны, в начале документа говорится, что недоучёт значимых работ Российской академии наук объясняется стремлением к чисто количественной оценке научной деятельности, с другой – заложенные в самой Стратегии показатели тоже носят статистический характер. Содержательных, смысловых показателей, которые отражали бы экспертную роль РАН, в Стратегии не предлагается, а они нужны.

Во втором документе говорится о системных проблемах в осуществлении РАН её исторической функции, о разрыве связи РАН с научными организациями. По мнению И.Р. Куклиной, эти формулировки ставят под сомнение необходимость самой Стратегии. Важно, кроме того, внимательно посмотреть на взаимосвязь целей, задач и механизма реализации Стратегии. Эту стыковку необходимо обеспечивать, но в нынешнем виде предлагаемые механизмы никак не соответствуют масштабным задачам.

И.Р. Куклина ещё раз подчеркнула, что ключевой является программа научной мобильности, и здесь роль Российской академии наук невозможно переоценить. Но как только мы переходим к механизмам, то программа мобильности, в теперешней её формулировке, оказывается исключительно программой поездок членов и сотрудников президиума РАН. Так быть не должно: о программах мобильности следует говорить в масштабах страны, включая все научные учреждения.

Президент РАН академик А.М. Сергеев согласился, что необходимо более строго связать Стратегию с Концепцией МНТС, которую приняло Правительство РФ, показать, что Стратегия является составной частью Концепции. Что касается академической мобильности, то здесь не всё так просто. У Академии есть небольшие средства, чтобы приглашать в страну иностранных коллег, а вот отправить за рубеж своих учёных зачастую не удаётся, потому что они сотрудники не академии, а институтов. Возникает коллизия: Академии наук предлагается быть ответственной за мобильность, но соответствующими инструментами она не располагает. Президиум над этим вопросом работает, пытается предложить некую схему, которую одобрит Правительство. Проблема в статусе Российской академии наук: раньше сотрудники институтов работали в подведомственных РАН учреждениях, а сейчас – других ведомств.

По мнению академика **Г.Г. Онищенко**, предложенной Стратегии явно недостаёт законодательного обеспечения. Получается, что мы хотим что-то сделать, но не имеем на это полномочий. Единственный путь – продвинуться в деятельности по совершенствованию Закона о Российской академии наук. Хороший пример – быстрое утверждение Стратегии национальной химической и биологической безопасности. Академии следовало бы действовать столь же активно.

Как отметил директор Объединённого института ядерных исследований в Дубне академик **В.А. Матвеев**, проблема состоит в том, что в Устав Академии наук не включено право заключать соглашения с международными организациями. С иностранными партнёрами зарубежных организаций – да, можно, а с международными организациями – нет. В результате ОИЯИ, который является одним из важнейших инструментов интеграции фундаментальной науки России, по крайней мере в области ядерной физики, формально оказывается вне академического взаимодействия, в документах это никак не учтено.

Представительство Академии наук в наших международных органах есть, потому что главным органом, который формулирует научную политику института, является Международный учёный совет. Комитет полномочных представителей государств – членов ОИЯИ пригласил для участия в работе учёного совета президента РАН

А.М. Сергеева, ректора Московского университета и других специалистов. То есть реальная вовлечённость есть, но в документах права заключать соглашения с международными организациями нет. Этот вопрос надо решать, считает **В.А. Матвеев**.

Институт объединяет 18 государств-членов. Шесть из них – северные страны. Ведутся активные переговоры по формализации отношений ОИЯИ с Францией, Италией, Индией и другими странами. Каждый год на площадке института появляются делегации примерно 20 стран во главе с послами, представителями министерств и ведомств стран не только Европы, но и Юго-Восточной Азии. Эта площадка, где реально осуществляется научная дипломатия, и в то же время институт оказывается как бы вне этой сферы.

Завершая обсуждение Стратегии международного сотрудничества РАН в сфере научной и научно-технической деятельности, академик А.М. Сергеев высказал мнение, что в тексте обязательно нужно учесть прозвучавшие замечания и предложения, прежде всего гармонизировать Стратегию с Концепцией международного научно-технического сотрудничества, принятой правительством, чтобы академия стала одним из субъектов научной дипломатии именно в той её части, в которой учёные могут принести стране максимальную пользу.